

ниальный юноша, и на русское имя кровавым пятном легла его смерть.

B.A. Соллогуб

III*

Салон Е.А. Карамзиной в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света. Историк Карамзин не принадлежал ни по своему происхождению, ни по состоянию к тому кругу, который принято называть высшим петербургским светом, ни к той аристократии, правда, более или менее случайной, которая, тем не менее, имеет претензию составлять обособленную касту. Однако благодаря своему таланту и своим работам Карамзин рано привлек к себе расположение императора Александра I; он был принят при дворе и стал близким человеком при императрицах Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне; великая княгиня Екатерина Павловна птила к нему самые дружественные чувства. Он был связан тесной дружбой с Жуковским, которому впоследствии было поручено воспитание наследника, и с Вяземским, на внебрачной сестре которого он был женат. Вся литературно образованная и культурная молодежь моего времени принадлежала к высшим слоям русского общества, и Карамзин незаметным образом, как-то само собой, сделался руководителем и центром того литературного кружка, который в то время являлся и наиболее аристократическим кружком. После смерти Карамзина весь этот литературный мир продолжал группироваться вокруг его вдовы; так случи-

* А.Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853—1855. М., 1928, с. 69—73.

лось, что в скромном салоне Е.А. Карамзиной в течение более двадцати лет собиралась самая культурная и образованная часть русского общества.

Я познакомилась с этим салоном лишь в самые последние годы жизни Екатерины Андреевны, уже в то время, когда самые выдающиеся писатели, входившие в него, как *Пушкин, Дашков, Баратынский, Лермонтов*, сошли со сцены. Но традиции остроумной беседы и умственных интересов сохранялись по-прежнему, и в этой скромной гостиной, с патриархальной обстановкой, с мебелью, обитой красным шерстяным штофом, сильно выцветшим от времени, можно было видеть самых хорошеных и самых нарядных петербургских женщин в элегантных бальных туалетах прямо с придворного бала или пышного празднества, расположившимися на красной оттоманке за затянувшейся иногда до четырех часов утра беседой. Вельможи, дипломаты, писатели, светские львы, художники — все дружески встречались на этой общей почве: здесь всегда можно было узнать самые последние политические новости, услышать интересное обсуждение вопроса дня или только что появившейся книги; отсюда люди уходили освеженные, отдохнувшие и оживленные. Трудно объяснить, откуда исходило то обаяние, благодаря которому, как только вы переступали порог салона Карамзиных, вы чувствовали себя свободнее и оживленнее, мысли становились смелей, разговор живей и остроумней. Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали в большой красной гостиной. Но умной и вдохновенной рукодельницей и душой этого гостеприимного салона была, несомненно, Софья Николаевна, дочь Карамзина от его первого брака с Елизаветой Ивановной Про-

тасовой, скончавшейся при рождении этой дочери. Перед началом вечера Софи, как опытный генерал на поле сражения и как ученый стратег, располагала большие красные кресла, а между ними легкие соломенные стулья, создавая уютные группы для собеседников; она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом, или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У нее в этом отношении был совершенно организаторский гений. Бедная и дорогая Софи, я как сейчас вижу, как она, подобно усердной пчелке, порхает от одной группы гостей к другой, соединяя одних, разъединяя других, подхватывая остроумное слово, анекдот, отмечая хорошенъкий туалет, организуя партию в карты для старииков, *jeux d'esprit* для молодежи, вступая в разговор с какой-нибудь одинокой мамашей, поощряя застенчивую и скромную дебютантку, одним словом, доводя умение обходиться в обществе до степени искусства и почти добродетели. В Софии Николаевне общительность была страстью, но страстью совершенно невинной, потому что в этой общительности не было тени погони за личным успехом, к которому более или менее стремится всякая женщина. Софи была очень некрасива, и ей было уже сорок лет, когда я с ней познакомилась. Она никогда не была хорошенькой: крупные и грубые черты, глаза, окаймленные страшными, черными бровями, мужской рост — делали ее несколько похожей на переодетого женщиной Пьера. И тем не менее под этой некрасивой оболочкой скрывалась какая-то обаятельность, какая-то женственная грация, или лучше сказать, грация мотылька; грация мотылька чувствовалась и в ее уме, который так любил перелетать от одного предмета разговора на другой и порхать по цветущим верхам мысли, но всего больше гра-

ции мотылька было в ее счастливом детском характере, умевшем горячо и глубоко наслаждаться маленьками ежедневными радостями жизни и любившем видеть, как наслаждаются ими другие. Гости собирались каждый вечер. В будни бывало человек восемь, десять, пятнадцать. По воскресеньям собрания бывали гораздо многолюднее: собирались человек до шестидесяти. Обстановка приема была очень скромная и неизменно одна и та же. Гостиная освещалась яркой лампой, стоявшей на столе, и двумя стенными кэнкетами на противоположных концах; угождение состояло из очень крепкого чая с очень густыми сливками и хлеба с очень свежим маслом, из которых София Николаевна умела делать необычайно тонкие тартинки, и все гости находили, что ничего не могло быть вкуснее чая, сливок и тартинок карамзинского салона.

А.Ф. Тютчева

САЛОН Е.М. ХИТРОВО*

I

Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться модным словом, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рождению не принадлежали к петербургской знати, но доблестное положение, которое занял в истории России фельдмаршал, выдвинуло их на первое место. У Кутузова было пять дочерей. Самою из них известной и самою привлекательной была, разумеется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранником, что в те времена было

* Воспоминания графа В.А. Соллогуба. П., 1887.